

**ИДЕНТИЧНОСТЬ В КООРДИНАТАХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
«ЖИЗНЕННОГО МИРА»**

Статья посвящена рассмотрению идентичности как процесса перманентного конструирования в контексте разворачивания персонального нарратива. Исходя из темпоральной определенности идентичности, с помощью нарратива предлагается рассматривать процессуальность последней. Обозначена особая роль образовательной среды в процессе формирования ответственной идентичности в условиях опутывания современного индивида множеством коммуникативно-дискурсивных сетей.

Анализ проблемного пространства идентичности, процессов идентификации свидетельствует о том, что актуализация именно этого вопроса состоялась приблизительно одновременно с распадом устоявшейся социальной системы под названием СССР со свойственным ей набором значений социальных структур, привычного места человека в каждой из них, индивидуальной вовлеченности в социальные группы, стабильности и предопределенности жизни, а потому – пониманием ее (системы) логики и взаимосвязи событий собственной истории.

А. Турен отмечает, что в таком этакратическом обществе (советском) идентичность была связана с метасоциальными силами, то есть, определенными метанарративами в структуре общественного сознания. Известно, что самыми влиятельными из последних выступали идеалы коммунистического общества, коммунистическая идеология и тому подобное. В условиях лишения человека таких ориентиров полностью предполагаемыми кажутся те варианты поиска, которые основываются на защитном поведении, что, как известно, перманентно наблюдается представителями различных направлений общественнонаучного сообщества. Речь идет о так называемой «негативной идентичности» и «сверхреальности», определение которых, к тому же, сверхточно актуализирует диалектику внешнего и внутреннего, коллективной и персональной идентичности. В размышлениях А. Турина относительно «негативной идентичности» находим следующее: «любая коллективность, которая чувствует серьезный кризис, стремится заменить свои внутренние конфликты противостоянием внутреннего и внешнего, внутренней интеграции и внешней угрозы, которая усилена предателями изнутри сообщества» [8, с. 103]. В ситуации формирования «сверхреальности» вследствие омассовления общества личность, по мнению А. Турина, «оказывается в непрерывном поиске идентичности за рамками реальных общественных отношений...Идентичность оказывается тогда прерывистой серией идентификаций с моделями, которые выработаны массовой культурой» [там же].

Преимущественно мы склонны считать, что лишь на долю наших постсоветских обществ выпало такое тяжелое, ошеломляющее и до сих пор непостижимое испытание. Согласимся, что почти семидесятилетний путь постепенного формирования устойчивости одного идеологического направления, которому предшествовал не менее догматичный уклад жизни, в сознании и жизнедеятельности человека перевернуть, сломать и растворить остатки крайне трудно, а то и невозможно. А потому, придется удовлетворяться ситуацией «...спрессованного исторического периода, когда драматичные внутренние трансформации сопряжены с быстрыми фундаментальными изменениями в микросистеме» [2, с. 30]. Понятно, если бы человек имел возможность шагать путем эволюционного видоизменения сознания в духе историко-культурного развития, мы бы сегодня намного реже в научном дискурсе слышали о проблемах «кризиса идентичности» и сталкивались бы с ее проявлениями в реальной жизни.

Относительно вышеупомянутого З. Бауман в контексте исторического развития западноевропейского общества отмечает: «Со времен Модернити каждая сторона жизни стала заданием, причем таким, которое не оставляло человеку другого выбора, кроме как взяться за его решение, прикладывая к этому все свои способности. “Определенность наперед” изменилась “жизненными планами”, судьба – назначением, а “природа

человека”, в котором он был рожден, – “идентичностью”, за которой необходимо следить и которую нужно поддерживать в соответствующей форме» [1, с. 179]. Не в такой ли ситуации мы оказались? Или, лучшее сказать, именно такие новые ориентиры принудительно свалились на наше многострадальное сознание, не принять которые мы не имеем права ради выживания в социокультурных «джунглях» вообще.

В таких условиях наблюдается разрушение принципов для структурной саморефлексии и психосоциальной идентичности, ведь последняя может пониматься как субъективное ощущение и в то же время объективно наблюдаемое качество самой тождественности и целостности индивидуального «Я», которая сопровождается верой индивида в тождественность и целостность определенного образа мира и человека, который он разделяет с другими. Согласимся, что психологический аспект нашей идентичности в связке с социальной определенностью страдает прежде всего, поскольку мы сознательно и бессознательно пытаемся найти, найти твердую точку опоры на почве, которая выскальзывает из-под ног и несет человека в страшную бездну неизвестности.

Следовательно, раскол прежнего «жизненного мира» а с ним и ощущение жизненной пустоты являются отправным пунктом путешествия с целью поиска и воссоединения обломков понятной, привычной повседневности. Отсутствие объединяющих культурно-исторических звеньев, которыми раньше служили, например, метанарративы [5], а также определенный этап развития общества служат основаниями для оформления многих теорий постмодернистского направления, которые пытаются прояснить ситуацию человека и перспективы его развития и общества в целом. Ю. Жицинский, выделяя условно четыре направления современного постмодернизма, отмечает, что их общим признаком можно считать «...осознание хрупкости и ненадежности многих истин, которые предыдущие поколения считали неизменными и нерушимыми» [4, с. 20]. Ссылаясь на Э. Гидденса, автор добавляет: «...суть постмодернизма – в согласии относительно ненадежности истин, которые мы познаем» [цит. по 4, с. 20].

Отметим, что эти характерные особенности подавляющего большинства современных исследований можно полностью принять и считать непосредственным отражением сегодняшней социокультурной ситуации и новых ориентиров (или, их отсутствию вообще) познания человеком окружающего мира. Однако, если опираться исключительно на постмодернистское толкование современного общества, ситуации человека в нем, можно прийти к выводу, что «смерть субъекта» (М. Фуко), определения человека как «бессубъектного механизма», номады (Ж. Делез), замена индивида «дивидом» (Ж. Лакан) неминуемо приводит к ситуации, когда личностная идентичность как точка внутренней опоры и ресурс для преодоления кризисных ситуаций кажется умышленно разрушенной, а проблема, следовательно – исчерпанной. В этом аспекте субъекта лучше растворить во множестве социокультурных контекстов с целью предотвращения так называемых «кризисов идентичности». Такой метод использования своеобразной «провокационной логики» (употребляет Ю. Жицинский относительно критики метода постмодернистов), кажется, никак не намерен прояснить, по-новому осветить определяющие понятия, которые раньше служили ориентирами. Согласимся с Ю. Жицинским, что на месте когда-то устойчивого объективного анализа логических связей на фоне современного интеллектуального пейзажа начинают пускать глубокие корни объяснения на основании ошибки, кризиса и отчаяния. Поэтому, имеем ситуацию углубления понятной субъективной экзистенциальной пустоты, даже погружение в нее с головой.

Безусловно, нужно отдать должное именно этому направлению развития философской мысли за актуализацию целого пакета вопросов, которые нашли как поддержку, так и жесткую критику. Однако, в контексте нашей статьи вышеупомянутая процедура растворения субъекта во множестве социокультурных контекстов, вынесения на передовые позиции текстового анализа считается недопустимой и немного безответственной. А возможно, свидетельствует о непосильности груза проблем человека, его повседневности, истории и перспектив развития. Согласимся с недостатком, который выделил Ю. Жицинский: определенный круг авторов постмодернистского направления (Ж. Деррида, Ж. Лакан, М. Фуко, Ф. Соллер, Р. Барт, Цв. Тодоров) «...призывают к гуссерлевской феноменологии и не принимают во внимание

историческую и психологическую перспективу высказывания. Постмодернистское увлечение тем, что актуально, выступает в паре с недооцениванием исторической традиции и пренебрежением ею, с одной стороны, и эсхатологическими ориентациями – с другой» [4, с. 17-22].

Вот почему в разных социогуманитарных науках мы наталкиваемся на размышления относительно того, что может быть новым ориентиром для понимания собственной идентичности и какими могут быть новые механизмы самоидентификации. В этом контексте речь преимущественно идет о больших и малых социальных группах, через причастность к которым мы связываем свои текущие статусы и роли в обществе, популярность которых особенно приобретает вес в контексте цивилизационных изменений. Безусловно, проблема конструирования идентичности рассматривается и в образовательном дискурсе, поскольку время обучения в вузе является тем периодом, когда индивид попадает в пространство с определенным (иногда отличным от привычного) набором норм, ценностей, установок. Таким образом, молодой человек проживает период одновременно и усвоения новых, и переосмысливания прежних ценностных ориентаций, нормативных установок в рамках определенной образовательной среды.

Интересно, как отмечает А. Н. Ермоленко, что наш первичный жизненный мир не поддается сомнению пока удовлетворяются потребности знания культурных особенностей и социально-структурных возможностей взаимодействия с целью обеспечения личностной идентичности, социальной интеграции, понимания традиций и ценностных ориентаций. В то же время несомненным является то, что в контексте кратковременной устойчивости многих традиционных установок имеем перманентный процесс формирования новых смыслов. «Сомнительным, который подлежит выяснению, унаследованный жизненный мир становится, как правило, тогда, когда старые, часто сакральные наглядности настолько обстоятельно проблематизируются новым опытом, что ситуативно сомнительное не может восприниматься дальше как несомненное. Тогда традиция теряет свою всеобъемлющую интегративную силу; новая общность смыслов, или согласие относительно проблем, которые возникли, может быть воспроизведено в процессе достижения управляемого разумом взаимопонимания» [3, с. 45].

Примечательно, что и до сих пор продолжают попытки весь спектр проявлений нашей идентичности свести к определенному конечному пункту соединения человека с самой собой. Но, представляется, это порочный путь, который еще интенсивнее может подвергать индивида потенциальным опасностям кризиса собственной самости, поскольку внешние социокультурные факторы своей скоростью и стремительностью превышают ту норму взаимоотношений человек-мир, которая долгое время имела свою легитимность. З. Бауман относительно вопроса проявления идентичности, ссылаясь на Э. Эриксона, отвечает, что идентичность проявляется как субъективное ощущение определенной вдохновляющей целостности и преемственности [1, с. 186]. Исходя из этого, можно заключить, что такое чувство единства сегодня является не слишком популярным, а потому и «кризис идентичности» при отсутствии таких чувств перерастает во что-то большее, иное. З. Бауман относительно такого «иного» предлагает говорить уже не об идентичности, которые мы наследуем или которые обретаем, но «...более уместным и соответствующим реальностям глобализующего мира, выглядело бы исследование идентификации, никогда не завершенной, бесконечной, открытой в будущее деятельности, в которую все мы по необходимости или сознательно вовлечены» [1, с. 192].

В заключение можно отметить, что таким новым поворотом в изучении проблемы идентичности, исходя из идеи темпоральности бытийности самого человека, может стать теория «нарративной идентичности», предложенная П. Рикером [6, 7]. Действительно, правомерно рассматривать не идентификацию как процесс, а скорее процессный характер самой идентичности с целью освещения как раз временной, исторической опосредованности. «Общая проблема заключается как раз в том, чтобы найти такие понятийные средства, которые позволили бы разубверенным номадам найти веру и смысл в красоту мира» [4, с. 53]. Отметим также, что ситуацию замены фундаментальных «больших» вопросов философии (концепции человеческой персоны, смысла жизни)

«малыми нарративами» стоит использовать максимально положительно с главной лишь целью – превращения «горизонта отчаяния» в «область смысла». В таких условиях у культурно-образовательной среды особенно актуализируется миссия «возвращения» целостной во всем многообразии, ответственной личности с инновационным и адаптивным типом мышления.

Литература:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Зигмунт Бауман;. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
2. Данилова Е. Н., Ядов В. А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 27–30.
3. Єрмоленко А. М. Комуникативна практична філософія: [підручник] / – К.: Лібра, 1999. – 488 с.
4. Жицінський Ю. Бог постмодерністів / Юзеф Жицінський; – Львів: Вид-во Українського Католицького Університету, 2004. – 200 с.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Жан-Франсуа Лиотар; – М.: Институт экспериментальной социологии; - СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
6. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью/ П.Рикер. – М.: АCADEMIA, 1995. – 160 с.
7. Рікер П. Сам як інший / Поль Рікер; [пер. із фр.]. – К.: Дух і Літера, 2000. – 458 с.
8. Турен А. Возвращение человека действующего / Очерк социологии – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.